

Нелегальная система Всеобщего Любимца произнесла с ехидцей:

— Так что, если бы ты раньше послушал меня и завоевал Чжао Цзиньсиня с уровнем удачи S, сейчас тебе не пришлось бы оставаться без помощи.

Е Цянь, который стал слишком самоуверенным после обретения огромной популярности, уже давно не воспринимал Нелегальную систему Всеобщего Любимца всерьез.

Даже сейчас, когда он столкнулся с огромным кризисом, человек, утративший чувство страха, уже не сможет его восстановить.

Поэтому, услышав слова системы, Е Цянь, и без того в плохом настроении, вспыхнул:

— Говоришь, будто это так просто? Я даже не могу увидеть Чжао Цзиньсиня, как я могу его завоевать?!

— Это потому, что ты, хозяин, не стараешься, — ответила Нелегальная система Всеобщего Любимца.

— Ради удачи, сколько людей я уже завоевал? Скажи, как еще я должен стараться?! — возмутился Е Цянь.

— Но среди тех, кого ты завоевал, десять человек с уровнем удачи A не сравнятся с одним S, — парировала система.

— И это из-за тебя! Ты находила мне цели только с уровнем удачи A! — выплеснул Е Цянь свои накопившиеся претензии. — Скажи, кроме этого старого развратника, Чжао Цзиньсиня, которого я даже не могу увидеть, и еще пары собак, кто еще есть с уровнем удачи S?

[Нелегальная система Всеобщего Любимца: ...]

Конечно, система не собиралась брать на себя вину и возразила:

— Это потому, что ты, хозяин, не проявляешь инициативы и не встречаешь людей с большой удачей!

Они спорили, каждый считая себя правым.

Чэнь Циньцин, слушая, как Нелегальная система Всеобщего Любимца и Е Цянь обвиняют друг друга, опустил глаза, и на его губах появилась легкая улыбка.

Сейчас Е Цянь был человеком с популярностью, но без работы.

Фанаты, внимательно следившие за его жизнью, тоже заметили, что у него больше нет контрактов.

Они возмущались за него, даже угрожали самоповреждением, чтобы добиться справедливости.

Но их действия только укрепили решимость властей навести порядок.

Попав в трудную ситуацию, Е Цянь начал давить на своих завоеванных целей, чтобы они помогли ему, и одновременно искал людей с уровнем удачи S, которые могли бы ему помочь.

Постепенно он забыл о своих первоначальных намерениях, погрузившись в развлечения.

Пока Е Цянь проводил ночи в веселье, живя как во сне, фильм Чэнь Циньцина, который с самого начала съемок привлекал внимание, наконец взлетел на вершину кассовых сборов и вышел в прокат в нескольких странах за рубежом.

Чэнь Циньцин внимательно посмотрел на Чжао Цзиньсиня и неожиданно поблагодарил:

— Спасибо за твои усилия.

Чжао Цзиньсинь удивился, немного смутившись:

— Ты знаешь?

— Знаю, — кивнул Чэнь Циньцин. — С момента выхода «Преследующего свет» ты приложил немало усилий, включая сейчас...

Чжао Цзиньсинь не стал приписывать себе заслуги:

— Я приложил усилия, потому что это стоящее дело. Это должно быть выдающееся произведение, чтобы я мог представить его миру.

— Да, — согласился Чэнь Циньцин без ложной скромности, не сомневаясь в качестве своей работы.

Чжао Цзиньсинь обожал это выражение лица Чэнь Циньцина.

Это была уверенность в себе, в своей работе, и благодаря этой абсолютной уверенности все достижения фильма казались Чэнь Циньцину естественными.

Чжао Цзиньсинь считал, что его вклад лишь ускорил достижение фильмом заслуженного успеха.

«Преследующий свет» был сыном Чэнь Циньцина, а значит, и его сыном, и он, конечно, должен был защищать его.

В процессе продвижения он придерживался фактов.

Ведь зрители сами смогут оценить, хорош ли фильм, без необходимости преувеличений.

Но, возможно, потому что «Преследующий свет» был их сыном, Чжао Цзиньсинь вначале считал, что любая похвала в его адрес была заслуженной.

Их сын был просто выдающимся!

Это заставило Чжао Цзиньсиня задуматься, не слишком ли он балует их сына, раз видит его таким совершенным.

Поэтому, чтобы быть справедливым, он поручил эту задачу другим, а сам оставался в тени, наблюдая.

Их команда должна была вызвать интерес зрителей к фильму, чтобы они пошли в кинотеатры.

Оценку фильма оставили зрителям, которые должны были сами решить.

Как Чэнь Циньцин был уверен в себе, так и Чжао Цзиньсинь был уверен в нем.

Зрители, посетившие кинотеатры, подтвердили это, показав, что это не его субъективное мнение, а их сын действительно был талантлив.

Наблюдая, как их сын, рожденный в трудностях, прокладывает свой путь сквозь бури и добивается успеха, Чжао Цзиньсинь, как заботливый отец, был невероятно горд.

Стоит отметить, что Чжао Цзиньсинь в процессе продвижения фильма не занимался очернением другого проекта.

Он считал это недостойным.

Поэтому провал «Существования Бессмертных» в плане репутации и кассовых сборов был полностью их собственной виной, а не результатом каких-либо действий с их стороны.

Не было никаких заговоров, но намеренное очернение их сына со стороны «Существования Бессмертных» действительно имело место.

Чжао Цзиньсинь, наблюдая за тем, как команда «Существования Бессмертных» паникует, нашел это забавным.

Но в то же время его сердце переполняла гордость.

Чэнь Циньцин действительно сделал это.

Чувства Чжао Цзиньсиня переполнили его, и он почувствовал импульс выразить свои эмоции.

Те четыре слова уже готовы были сорваться с его губ, но в его голове мелькнула мысль, и он тихо произнес:

— Я делал это ради тебя.

Чэнь Циньцин не заметил скрытого смысла в его словах и кивнул:

— Да, я знаю.

Чжао Цзиньсинь замер, его сердце начало биться быстрее, он подумал, что Чэнь Циньцин понял его чувства.

Не успел он смутиться, как Чэнь Циньцин добавил:

— Сейчас я ведь артист твоей компании, и твоя семья поручила тебе заботиться обо мне, так что спасибо за твои усилия.

Чжао Цзиньсинь: «...»

Он смотрел на Чэнь Циньцина со сложным выражением.

Нет, ты не понимаешь...

— Очень тебе благодарен, — сказал Чэнь Циньцин, сохраняя спокойное выражение лица, но в его обычном тоне чувствовалась необычная серьезность. — Не волнуйся, теперь, когда я часть Синхуан, я принесу компании еще больше успеха, моя слава — это слава Синхуан.

— ... — Чжао Цзиньсинь хотел что-то сказать, но остановился.

Ему было немного тяжело.

Нет, всё не так.

Чэнь Циньцин, заметив странное выражение лица Чжао Цзиньсиня, предположил:

— Тебе есть что мне сказать? Или хочешь что-то поручить?

Чжао Цзиньсинь быстро собрался:

— Да, есть кое-что.

Чэнь Циньцин поднял бровь, готовый выслушать.

Чжао Цзиньсинь выглядел спокойным, но его сердце билось как барабан.

Он подбирал слова:

— Всё, что я делал, было ради тебя, а не ради интересов компании.

Чэнь Циньцин удивился.

В глазах Чжао Цзиньсиня больше не было сдерживаемых эмоций:

— Ты понял?

Чэнь Циньцин, встретившись с его взглядом, почувствовал, что коснулся его внутренних чувств. В его голове мелькнул диалог с «ним».

Эти чувства были так похожи, и Чэнь Циньцин вдруг понял, снова удивившись.

Он посмотрел на Чжао Цзиньсиня с еще большей глубиной.

Чжао Цзиньсинь, заметив изменение в выражении лица Чэнь Циньцина, почувствовал напряжение, он понял, что Чэнь Циньцин уловил его намек.

Чжао Цзиньсинь помолчал, затем тихо сказал:

— Я дам тебе время подумать, сколько угодно. Если ты так и не поймешь, не говори мне.

Очевидно, Чжао Цзиньсинь готовился к отступлению.

Он давал Чэнь Циньцину время и выбор, не настаивая, чтобы его признание не разрушило их текущие отношения.

Чэнь Циньцин молчал, его взгляд постепенно вернулся к привычной холодности.

Чжао Цзиньсинь почувствовал, как его сердце остыло.

В итоге Чэнь Циньцин, как он и ожидал, ничего не сказал.

Хотя это было его собственное предложение, когда Чэнь Циньцин действительно развернулся и ушел, Чжао Цзиньсинь почувствовал боль.

[Нет авторских примечаний]

<http://bllate.org/book/16138/1444563>